

МНЕНИЕ РЕЦЕНЗЕНТА

Время Всеволода Вишневского

Соб. Кисунько, 1979, 14 июля

«Фильм-монография» — так необычно была представлена зрителям новая работа мосфильмовских мастеров телевизионного кино.

Дмитрий Барщевский по собственному сценарию снял ленту, свободно соединяя приемы игрового кино, кинопублицистики, документальный материал. И на экране нераздельно слились два голоса, возник фильм-исповедь писателя Всеволода Вишневского и фильм-размышление молодого художника 70-х годов об эпохе своей и Вишневского.

Хроника. Встречают тех, кто был в борющейся Испании. Белорусский вокзал. Митинг. Вишневский на трибуне. Связь толпу пробирается Роман Кармен с сыном на руках. Гомон человеческой массы. И вдруг, отчетливо перекрывая шум, звучит окрик. Вишневский: «Рома, иди сюда». Слово ожило пространство, запечатленное хроникой. Кармен становится рядом. И вот в живое, объединившее сотни людей пространство, летят слова писателя.

Радиостудия в блокадном Ленинграде. Над городом гремят слова другой речи Вишневского. Перекрывают канонаду, гул самолетов. Снова ожило пространство, наполненное этим голосом. Экран укрупнил слова, заставил пережить непосредственно, резко сам процесс их возникновения. Хроника будто пронизана живым человеческим дыханием. Раз, другой, третий в эпизоде, воссоздавшем обстановку блокадной радиостудии, — крупный план: напряженный кулак Вишневского отбивает такт слову, мысли, высокому волнению, пафосу надежды.

«Это в сердце было моем» — название, сконцентрировавшее художественный принцип всей картины: не подборка кинодокументов, но вечер воспоминаний, а именно документальное воссоздание ритмов сердца писателя-коммуниста, открытие созвучности этих ритмов напряженней-

шим ритмам эпохи. Актер Афанасий Кочетков вошел в образ по-художнически, прожил заново жизнь героя этой документальной кинодрамы. Нет, он не «дублировал», не «синхронизировал», не «озвучивал», не «играл» Вишневского. Он на равных правах с режиссером взгляделся в лицо, послушался в голос эпохи. Так же по-художнически услышана эпоха в музыке Екатерины Кожевниковой. Фильм документален в самом строгом смысле слова (хотя много доснято, перемонтировано, переозвучено). Да, документ, но не просто взятый напрокат в очередной монтажный фильм, а прослеженный от жизненных истоков, осмысленный в изначальной сути.

Фильм-монография Дмитрия Барщевского документально воссоздал тот творческий процесс, итогом которого стала сама жизнь Всеволода Вишневского, навсегда неотделимая от судьбы поколения, страны, народа, человечества. Найдена, что называется, мера вещей. Эпоха и человек обрели друг друга, дали друг другу раскрыться с огромной силой.

«Оптимистическая трагедия». На экране — образ спектакля, того, таировского, эпохального.

Погиб Комиссар. В зале тех далеких лет матросы-ведущие просят встать подпольщиков-большевиков, героев гражданской войны, членов ВКП(б), комсомольцев, строителей первых пятилеток. Весь зал — на ногах.

Наши дни. Ведущие вызывают героев революционного подполья, участников гражданской войны. Одному встает старенькая, седая женщина. Вызывают коммунистов, комсомольцев, участников Великой Отечественной, строителей послевоенных пятилеток, покорителей целины. Снова весь зал — на ногах. Революция бессмертна. Это фильм с документальной точностью

увидел в людях, в современниках, прочел в пьесе Вишневского. Воссоздавая не фрагменты ее, а осмыслив саму ее как «фрагмент» нашей истории, органически единый с нею.

«Мы из Кронштадта». Д. Барщевский исподволь постигает те ритмы, которые некогда открыло в революционной действительности, взело в духовный обиход современников советское кино 20—30-х годов. Кино, радио, которым так много сил отдал Вишневский, предстают на экране органической частью культуры XX века. Вишневский же по внутренним законам времени и творчества открывается одним из первопроходцев культуры, заговорившей с массами при помощи микрофона, кинокамеры на языке требовательном, страстном. Эпизоды у Белорусского вокзала, в театре — сконцентрированные образы массовой аудитории, ее преемственности, ее памяти. Претворенная в образы искусства сила памяти — вот что прежде всего придало фильму особый заряд документальности, эстетически осмысленной, духовно богатой. Ибо документальны не только старые кадры, фонограммы, фотографии. Документально искусство, документальна судьба художника и наше памятлиное отношение к ушедшим годам, людям, современникам Вишневского, названным и не названным с экрана. Фильм «Это в сердце было моем» — о них о всех, он мудр сегодняшним нашим опытом, нынешним прочтением собственной истории.

Картина рассказала о человеке, прожившем недолго. С экрана звучат и грустные ноты: многого сделать не успев — время властно звало, отрывало от рабочего стола. События требовали великого напряжения, небывалой самоотдачи. Самоотдача стала целью творчества, смыслом существования, реальным вкладом человека в жизнь человечества и оказалась необходимым, главным итогом творчества.

Об этом фильм. О революции. О человеке, чей голос был услышан повсеместно как голос творчества, рожденного революцией.

Василий КИСУНЬКО.